

Пчегатлук Светлана Калачериевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом
Кубанского государственного
технологического университета
dom-hors@mail.ru

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО КЕРЧЕНСКОЙ И БУГАЗСКОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация:

Данная статья посвящена деятельности Попечительства керченской и бугазской торговли и ее роли во внешнеторговой политике России на Северо-Западном Кавказе. На основе широкого круга архивных материалов раскрывается роль торгового фактора в системе отношений Россия – Северо-Западный Кавказ. Проведенное исследование позволяет утверждать, что деятельность Попечительства керченской и бугазской торговли носила многогранный характер.

Ключевые слова:

Россия, Северный Кавказ, Северо-Западный Кавказ, Черкесия, Попечительство керченской и бугазской торговли, административно-коммерческая организация, торговля, внешняя политика, внешне-торговая политика, монополия торговля.

Pchegatluk Svetlana Kalacherievna

PhD in History,
Assistant Professor of the Sociology,
Jurisprudence and Human Resources Department,
Kuban State Technological University
dom-hors@mail.ru

GUARDIANSHIP OF KERCH AND BUGAZ TRADE

Summary:

The article deals with guardianship of Kerch and Bugaz trade and its role in the foreign-trade policy of Russia in the Northwestern Caucasus. Basing upon the archival data study the author reveals the trade factor role in the relations between Russia and the Northwestern Caucasus. The undertaken research proves that guardian authority's activities were of the many-sided nature.

Keywords:

Russia, North Caucasus, Northwestern Caucasus, Circassia, Guardian authority of Kerch and Bugaz trade, administrative and commercial organization, trade, foreign policy, foreign trade policy, trade monopoly.

История международных отношений нового времени изобилует фактами, свидетельствующими о том, как особенности географического положения исторической родины того или иного народа оказывают решающее воздействие на его судьбу или даже ставят под сомнение перспективы существования и возможность самосохранения данного этноса.

Одним из ярчайших примеров подобного рода является Черкесия – историческая область на Северо-Западном Кавказе, где проживали адыги, известные в русской и иностранной литературе как «черкесы», – и ставшая объектом дипломатического, военного и экономического соперничества различных стран, в первую очередь России и Турции.

Политическая история адыгского общества неразрывным образом связана с кавказской политикой России, являвшейся составной частью Восточного вопроса. Интерес России к Кавказу был обусловлен политическими и экономическими причинами.

Одним из основных аспектов целого комплекса факторов, определявших состояние русско-адыгской торговли, являлись политические отношения России и Турции, Черкесии и России, Черкесии и Турции.

Особый след в развитии торговых отношений России с адыгами оставила деятельность Попечительства керченской и бугазской торговли, которое было учреждено после утверждения «Правил для торговых отношений с черкесами и абазинцами» 10 октября 1821 г. «Правила», регламентировавшие деятельность Попечительства керченской и бугазской торговли, содержали 16 параграфов. В основу торговли царской России с Черкесией и Абазией был положен политический мотив. «Польза учреждения торговых сношений с народами Закубанскими и особенно с Черкесами и Абазинцами, доказана уже на самом опыте. Дабы возбудить, сколько можно более отношения сии и посредством деятельности и выгод торговли внушить народам сим пользу ея и приучить к употреблению наших продуктов и изделий, определяются для сего особые пункты, на кои в известных правилах торговля сия может быть обращена» [1, т. 37, с. 878]. Предусматривалось в Керчи учредить таможню с полным портовым карантинном, а в Бугазе – меновый двор с очистительными пакгаузами. В керченском порту следовало принимать товары, доставляемые морским путем из Черкесии и Абазии, а в Бугазе – товары, доставляемые сухопутно для мены. В 1821 г. сам министр иностранных дел граф Нессельроде писал Ермолову о необходимости открытия торгового порта и таможни в Керчи. В письме министр обосновывал с исторической точки зрения важность учреждения этого порта, известного еще в глубокой древ-

ности. Особенно подробно Нессельроде останавливался на экономическом значении Керчи [2, т. 9, с. 169]. По «Правилам» 1821 г. разрешалась доставка только тех товаров, которые означены в «особой росписи». С российской стороны можно было отпускать только те товары, которые по таможенному тарифу к «вызову дозволены». Как и по «Правилам» 1811 г. запрещалось экспортировать российские и иностранные золотые, серебряные и медные монеты, российские банковские ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец, «как в деле, так и в кусках или слитках». Запрещение вывоза монеты объяснялось стремлением российского правительства сохранить натуральный обмен с горцами, чтобы не допустить посредничества иных лиц и тем самым усилить непосредственное влияние царской администрации на последних. Было указано, что «учреждением сей торговли можно будет приучить горские народы к выгодам общежития и образованности, и тем самым преодолеть их дикость и дух хищничества, дозволить принимать в Керчи и Бугазе произведения их к привозу дозволенные, беспошлинно, равно как и отпускать им на вымен сих товаров все российские товары и произведения по Тарифу» [3, т. 37, с. 878–880] за исключением некоторых товаров, которые вывозились беспошлинно. Беспшлинная торговля устанавливалась сроком на 10 лет, считая со времени открытия порта в Керчи и менового двора в Бугазе. Для того чтобы «дать лучшее покровительство торговле с Черкесами и Абазинцами, а с другой – оградить присвоенные ей выгоды от злоупотребления и не допускать беспошлинного вывоза товаров в другие места, равно не принимать, под видом Черкесских и Абазинских произведений товаров, из других мест привозимых; то определить для наблюдения за сим особым чиновником в звании» [4, т. 37, с. 879] попечителя торговли с Черкесами и абазинцами с необходимым штатом служащих. Попечитель должен был находиться в Керчи, один из его помощников – в Бугазе, а два других – в горах Черкесии и Абазии. Должность попечителя возлагалась на того чиновника, который от министерства иностранных дел будет послан в Черкесию. В случае отсутствия его по делам службы, его замещает один из чиновников, находящихся при попечителе. Штат попечительства назначается министерством иностранных дел. Министерство снабжает попечительство инструкциями по своей части. Попечитель торговли имел право присутствовать на заседаниях в карантинной конторе и в таможне, где после председательствующего занимал «первое место». Он должен был отстаивать права купечества, ходатайствовать об удовлетворении их справедливых просьб и требований, подписывать журналы заседаний. В случае несогласия его с решением заседания карантинной конторы или таможни, подает «особое мнение свое», которое вместе с делом представляется на рассмотрение градоначальника.

Помощник попечителя, находящийся в Бугазе, должен извещать своего начальника о ходе торговли и всех делах. Хозяин, капитан или шкипер судна, прибывающего из Черкесии или Абазии в керченский порт, должны иметь при себе ярлык, удостоверяющий, «что товары на оных привезенные, суть действительно произведения Черкесии и Абазии» [5, т. 37, с. 880]. Ярлык должен быть подписан одним из помощников попечителя.

Воплощение в жизнь правил возлагалось на министров иностранных дел, финансов и внутренних дел. Они должны были сделать «сообразные с сим предписания и наставления» местным начальникам, «употребить все попечение об усилении торговли сей через соблюдение строжайшей справедливости в делах с народами Закубанскими, снисхождения им в тех случаях и упущениях, кои не заключаю в себе важных преступлений, могут происходить единственно от грубости и необразованности их» [6, т. 37, с. 880–881].

Учреждение попечительства керченской и бугазской торговли не влекло за собой ликвидации меновых дворов, расположенных по границе Черноморья с Черкесией. Меновые дворы, как и раньше, оставались в ведении войсковой администрации Черноморского казачьего войска. Все это было попыткой российского правительства расширить и упрочить торговлю с Черкесией.

Попечительство представляло собой административно-коммерческую организацию. Во главе его стоял попечитель торговли с черкесами и абазинцами Р.А. Скасси, в послужном списке которого было написано, что занимается «на кубанской границе Черноморских казаков восстановлением спокойствия и торговых отношений с Черкесами с величайшею ревностью и успехом» [7].

Официальная переписка по поводу временного прекращения торговых отношений с черкесами в 1822 г. в связи с эпидемией чумы за Кубанью является неоспоримым доказательством того, насколько торговые связи с Черкесией стали жизненной необходимостью для Черноморья к моменту учреждения Попечительства керченской и бугазской торговли [8].

В торговле с Черкесией принимали участие не только местные купцы, постоянно жившие за Кубанью, но и купцы, приезжавшие из весьма удаленных мест. Последние постоянно проезжали через территорию Черкесии, пересекая официальные границы Турции и России. Это про-

тиворечит довольно распространенному мнению, что Северо-Западный Кавказ был чуть ли не полностью изолирован от других частей России и Кавказа [9, с. 25].

С ведома попечителя торговли с черкесами и абазинцами на Черноморском побережье действовали его помощники – флотские офицеры братья Огненовичи, комиссары Тауш, Мальфино и Люлье. Комиссары неукоснительно должны были придерживаться инструкции, содержащей 8 пунктов составленной Скасси 30 августа 1822 г. В обязанность вменялось следить за тем, чтобы все купцы, занимающиеся торговлей с горцами, соблюдали «кроткое и миролюбивое» обхождение с черкесами, поступали согласно их обычаям. Первоначально они должны были стараться заводить «хорошие связи с князьями», которые обладают большей властью и влиянием и «уважаемы более других» [10]. Но особенно им надлежало «стараться уразуметь черкесов, что по ходатайству моему <Скасси> его императорское величество единственно по желанию их благосостояния, чтобы доставить им все выгоды, учредил сею торговлю, при чем вы поставите им на вид пользы, какие они могут получить через сею торговлю, внушить им необходимость быть в согласии с Россиею, в руках коей находится все нужное для них, и которая столь много об них печется, заставить их почувствовать, сколь вреда могут им принести покушения и нападения» [11]. Иными словами, перед Попечительством ставились задачи не только внешнеэкономического, но и внешнеполитического характера.

Попечительство призвано было решить целый комплекс задач, в который входили и проблемы этнокультурного характера. Комиссары вели подробный и обстоятельный журнал своего нахождения в Черкесии, «не упуская из виду» особенностей жизни горцев.

На Тауша и Мальфино возлагались очень большие надежды. Практически они являлись проводниками новой торговой политики России в Черкесии помимо военной администрации. В связи с этим Скасси писал: «Я надеюсь, что вы, истощая все ваши усилия к достижению наших целей и распространению наших сношений с сими народами, оправдаете делаемое вам доверие» [12].

Скасси тщательно подбирал людей на службу в штат Попечительств. Карл Тауш долгое время служил под его начальством, «распространяя отношения с черкесами». Он владел черкесским, русским и французским языками, но в 1818 г. оставил службу. 22 июня 1822 г. Тауш написал прошение на имя попечителя керченской и бугазской торговли об определении его «к должности». 29 августа 1822 г. Тауш получил ответ Скасси на свое прошение – предписание отправиться к черкесским и абазинским берегам на российском судне «Надежда» под управлением шкипера Ивана Калиберди, которое отплывает из порта в Керчи. Обратные аттестаты и все другие бумаги Тауш должен был подписывать «как исправляющий должность комиссара». Мальфино Скасси дает такую характеристику: занимается торговыми делами с черкесами с 1820 г., что имеет весьма хорошее образование, основательно знает многие иностранные языки «и известен мне своею ревностию к службе» [13].

В тех местах восточного берега Черного моря, где приставали русские торговые суда, были построены магазины и соляные склады. При них находились приказчики, которые назначались купцами. Л.Я. Люлье так описывает торговлю русских купцов с адыгами: «Если шкипер или хозяин товаров объявлял желание учредить мену в этом месте, то жители назначали из среды себя несколько человек для проверки качества и, примерно, количества привезенного товара, груза, и после того тотчас определялась ими по произволу впрочем умеренно, плата натурою, за право якорной стоянки и мены. Пошлину эту жители делили между собою. После этого старшины устанавливали таксу как на соль, так и на произведения земли своей, по которой должна была производиться мена, и которую никто не был в праве изменять по собственному произволу» [14]. На железо, чугун, мануфактурные изделия такса не устанавливалась. Купец сам определял их цену [15]. То есть организация торговли регламентировалась не только со стороны царского правительства, но и со стороны адыгов. Хотя это регламентация была разного порядка: со стороны России в форме «Правил», карантинных порядков, таможенных тарифов, а со стороны Черкесии – устных соглашений.

Хотя в самой Черкесии экипажи пользовались гостеприимством и дружелюбием, о чем свидетельствуют «похвалы самих шкиперов помянутых судов, которые делают они приему, полученному у сих народов, уверяя, что пособия, какие они от них имели, совершенная безопасность, коею они там пользовались превзошли их ожидания». Далее шкиперы, побывавшие в Черкесии, констатируют факт: «И действительно, весьма замечательно видеть на берегах сих, коим прежде чуждо было гостеприимство, обитателей Дона, пользующихся свободою посреди сих дикарей и производящих обороты свои с такою беспечностью, как бы они делали сие в портах самых образованных народов» [16].

Многочисленные документы, отложившиеся в архивах, опровергают представления об адыгских субэтносах, как «диких, хищных народах». Эти «дикие, хищные народы», как именовали

ли адыгов в официальных российских документах, поддерживали торговые связи со странами Западной Европы, Турции, обитателями Дона, самой же Россией. Многие адыгские князья, дворяне и богатые старшины имели собственные морские суда, которые совершали регулярные торговые рейсы в Турцию и вдоль черноморского побережья Кавказа [17, ч. 2, с. 57]. То есть царскому правительству было выгодно в таком свете представлять адыгов для обоснования своей теории, что Россия несет последним цивилизацию, культуру, просвещение, а с «диким, хищным народом» невозможно вести диалога иначе, как с позиции силы. Именно XIX в. явился самым трагичным в истории адыгов. В начале века восточные адыги лишились своей независимости, а западным предстояло вступить в борьбу с Россией за свою независимость, которую они потеряли с завершением Кавказской войны. Среди факторов, которые сдерживали вооруженные конфликты за Кубанью, не последнюю роль сыграли русско-адыгские торговые связи, и в частности деятельность Попечительства керченской и бугазской торговли. Оно явилось легитимным выражением деятельности сложившейся оппозиции военно-колониальным методам царизма. Скасси в 1822 г. писал: «Преобразование сих народов из теперешнего состояния в просвещенное, по естественному течению вещей неизбежно; рано или поздно оно должно последовать; потому гораздо лучше воспользоваться сим временем и приобрести себе славу. Так как Черкесы имеют весьма много самолюбия и не менее честолюбивы, надобно им дать предвидеть, какую они обязанность могут ожидать потом» [18].

Так он сформулировал политическую задачу, стоящую перед штатом Попечительства. Штат работников через мирные связи должен был способствовать формированию прорусской ориентации феодально-родовой верхушки адыгского общества. Достаточно было жалобы представителей адыгских субэтносов на «обиды и разные притеснения чиновников», чтобы последние подвергались наказанию вплоть до увольнения. Такие ситуации возникали нередко по отношению к чиновникам меновых дворов, которые находились в подчинении войсковой администрации. Чиновники меновых дворов, не всегда правильно понимая политическую подоплеку торговых связей, своими действиями отпугивали адыгов от участия в процессе торгово-меновых операций.

Навигация 1824 г. для российских промышленников не была безопасной, хотя начало было очень удачным. «Купцы, отправлявшие в сем году суда в Черкесию, не могли нахвалиться выгодами, кои... получали, о чем даже лично объявили господину новороссийскому генерал-губернатору... Они намерены были удвоить число судов», отправляемых туда [19]. Действия анапского трехбунчужного паши Сеит-Алли помешали торговле. Ссылаясь на нападение черноморских казаков на бжедугские аулы в 1823 г., он старался адыгам «внушить, что дружба к ним русских есть обман, которая со временем может лишить их всего, что ими убрано <имеется в виду урожай> и даже самой свободы» [20].

К середине 1824 г. Попечительство имело в Черкесии 6 торговых мест, «коих жители в течение 3 лет принимали купцов... благосклонно». Однако русская сторона не предложила одинаковых условий торговли для всех адыгских субэтносов, чем воспользовался анапский паша Сеит-Алли.

Действия анапского паши лишний раз свидетельствуют о том, что русско-адыгские торговые отношения серьезно препятствовали укреплению позиций Османской империи на Северо-Западном Кавказе и стали предметом конкурентной борьбы, – «дозволяется от горских народов вымен всех вообще изделий собственного их производства без взыскания пошлин с тем только, чтобы по введенному (порядку) с горскими народами беспошлинному торгу, отнюдь не были под видом их изделий пропускаемы персидские и турецкие товары, но препровождаемы были таковые для взыскания пошлин в Кизлярскую таможню» [21].

10 сентября 1824 г. Скасси, на которого были возложены политические и торговые отношения с горскими народами, была дана Инструкция, согласно которой он действовал. 4-й пункт Инструкции посвящался торговым отношениям с Анапской в связи с тем, что именно там находился представитель Османской империи – анапский паша. Скасси должен был принять все меры, чтобы склонить анапского пашу к благосклонности. Впрочем, «вывоз соли от нас не должен никогда производиться в значительном количестве, но только соответствовать нужде оной анапского гарнизона, и сие на тот конец, чтобы паша не употребил в свою очередь, средства сего для привлечения к себе черкес, и не отнял бы у нас главнейшего предмета наших с ними связей» [22].

На основании Инструкции от 10 сентября 1824 г. и с ведома новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, Скасси в августе 1825 г. дал разрешение на беспошлинный провоз грузов тем купцам, которые изъявили желание отправиться в крепость Анапу. Такое решение попечитель считал «согласным с выгодами сей торговли и с политическими выгодами» [23]. Анапа действительно «турецка якрепость: но порт сие находится у берегов Черкесии: торговля там производящаяся, есть торговля черкесская... то в таком разе ни мало не будет изменений правила сей торговли» [24].

До этого распоряжения российские предприниматели вели торговлю с Анапой, как с иностранной территорией, и платили пошлину 15 копеек с пуда соли. С адыгов, проживающих в окрестностях крепости, взималась пошлина. Данная мера не отвечала политическим интересам России, хотя «его императорское величество воля в учреждении меновых дворов была... для приласкания горских народов» [25]. Владельцы иностранных судов, прибывающих к черноморским берегам, зная о системе пошлин, пользовались этим обстоятельством во вред российским купцам.

С 1825 г. звание попечителя керченской и бугазской торговли было переименовано в попечителя торговли с черкесами и абазинцами.

А.П. Ермолов постоянно пытался регламентировать деятельность попечителя торговли с черкесами и абазинцами. Особенно это выразилось по отношению к бугазскому меновому двору. Именно Скасси определял на основании Инструкции от 31 января 1821 г. «Высочайше данной ему» правила для бугазского менового двора. Скасси вынужден был обратиться к Воронцову с просьбой, чтобы он поставил на вид кому следует на основании данной Инструкции «не вмешиваться... в дела и обхождения с закубанскими жителями» [26]. Как и прежде, возникла проблема разграничения сферы деятельности военной администрации и административно-коммерческой организации. Представители и той, и другой стороны решали одну задачу – расширить и упрочить торговлю. Но в 1823–1826 гг. замерла деятельность меновых дворов, находившихся в ведении войсковой администрации черноморского казачьего войска.

Особенность периода 1823–1826 гг. заключалась в том, что очень ярко проявился весь комплекс колониционных методов, которыми пользовались российские власти на Северо-Западном Кавказе [27]. Наряду с военными мероприятиями, правительство продолжало поощрять тех, кто изъявлял желание заниматься торгово-меновыми операциями с адыгами. В феврале 1825 г. было принято решение «О дозволении привозить к черкесским берегам соль бессарабского произведения», то есть впредь разрешалась беспошлинная торговля не только «крымской солью», но и солью «бессарабского произведения» на Северо-Западном Кавказе. От новороссийского генерал-губернатора Воронцова через попечителя торговли с черкесами и абазинцами были сделаны существенные подарки. В частности, в октябре 1824 г. в Керчь к Скасси было доставлено в качестве подарка для князя Атукая Аслан-Гирея «серебро в слитках весом в 20 фунтов для вручения по принадлежности». Помимо серебра также были доставлены «золотая медаль с алмазными украшениями, золотые часы и еще золотая медаль на Анненской ленте», которые были вручены в 1825 г. [28].

В 1826 г. была расширена социальная база имеющих право торговли с адыгами. С января 1826 г. дозволялось «заниматься торговлею с черкесами и абазинцами всех сословий без взятия свидетельства об устройстве гильдий» [29].

Несмотря на сложную политическую ситуацию, в навигацию 1825 и 1826 гг. к черкесским берегам Черного моря отправлялись суда с полным грузом, экипажи которых с успехом производили торгово-меновые операции [30].

Войсковая торговая монополия, осуществлявшаяся через сеть меновых дворов, способствовала злоупотреблению лиц, приставленных к ним в качестве администраторов. Эти люди, будучи совершенно случайными в сфере торговли, преследовали единственную цель за время своего пребывания на посту смотрителей меновых дворов – извлечь как можно больше выгод для себя, при этом совершенно не заботясь, об улучшении общего хода торговых операций [31, с. 26]. В особенности плохо дела обстояли в Усть-Лабинском меновом дворе, где не было медицинского чиновника, на месте находился один комиссар, совмещавший должность смотрителя. Последний осуществлял торговые обороты в свою пользу следующим образом: соль, которая у него имелась в наличности для отпуска горцам по рублю за пуд, продавал жителям по 1,50–2 рубля за пуд, вместо чего покупал в Черномории соль намного дешевлею и более худшего качества [32]. Сделки такого рода, запущенность зданий и оборудования, отсутствие инициативы, грубость в обращении с приезжавшими для торговли горцами сильно тормозили развитие русско-адыгских торговых связей.

Царское правительство, осуществляя мероприятия для развития торговых связей с Северо-Западным Кавказом, одновременно вело военные операции в Закубанье, «то, что делали гражданские власти, сводилось на нет военными властями» [33, т. 1, с. 300].

В ходе русско-турецкой войны, в 1828 г. произошло столкновение Р.А. Скасси с А.С. Меншиковым, который руководил осадой Анапы. Во время столкновения Скасси едва избежал судебной ответственности. После заключения Адрианопольского мира в 1829 г. была ликвидирована административно-коммерческая организация Попечительство керченской и бугазской торговли, а Скасси был уволен с российской службы. Это означало, что оппозиция военно-колониальным методам царизма потерпела поражение. После заключения Адрианопольского мира 14 сентября

1829 г., согласно 4-й статье которого Османская империя уступала Черкесию России, хотя фактически она не могла уступить то, чем сама не владела, российское правительство считало ненужной деятельность Попечительства, то есть перешла к силовым методам. Несомненно, Попечительство сыграло положительную роль в развитии торговли с горцами и установлении дружественных связей. Это признал позже Командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г.В. Розен, писавший министру финансов Е.Ф. Канкрину, что «Попечительство Кавказской торговли, несмотря на все злоупотребления, вкравшиеся в управление оным, поддерживало связь России с горскими народами» [34, т. 8, с. 641].

На основании изучения архивных материалов, мы можем констатировать, что русско-адыгская торговля в рассматриваемое время получила определенное развитие. Факты о деятельности российских купцов на побережье, номинально входившем в сферу влияния Османской империи, подтверждают это. Вместе с тем необходимо отметить, что результаты торговли не соответствовали произведенным на нее затратам. Некоторые исследователи (М.В. Покровский, С.К. Бушуев и др.), указывая, что на развитие торговли отрицательно влияли такие факторы, как спекуляция российских купцов, неудовлетворительная организация торгового дела на меновых дворах, не затрагивают такого фактора как военные действия Черноморского казачьего войска за Кубанью. Именно эти военные действия в наибольшей степени способствовали формированию образа врага в лице России в менталитете адыгского общества. Анапский паша именно на этом основывал свою пропаганду против России в ходе экономической борьбы двух держав за приоритет на Северо-Западном Кавказе. Начиная с 1829 г., Россия объявила экономические связи адыгов с турками незаконными в связи с тем, что ввела монополию внешней торговли в Черкесии.

С учреждением Попечительства керченской и бугазской торговли в 1821 г. во главе со Р.А. Скасси начался новый этап в развитии торговли между Россией и Черкесией.

Регламентация торговли была подчинена политическим интересам России. Весь период царствования Александра I имеет в отношении таможенной политики ту особенность, что политические отношения России к отдельным европейским державам оказывали тогда сильнейшее влияние на постановку таможенного дела [35, с. 52, 149]. Таможенная политика находилась под непосредственным влиянием политических соображений, обуславливавших то дружественное сближение, то резкий разрыв с тем или другим государством, в зависимости от того, признавала ли Россия нужным делать уступки своим союзникам по оружию, или, наоборот, стремилась нанести возможный ущерб торговле своих противников.

Ссылки:

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830.
2. Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. М., 1940.
3. ПСЗ. СПб., 1830.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ ИДД МИД РФ). Ф. 159. Оп. 464. Д. 3036. Л. 3.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–5.
9. См.: Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957.
10. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф.261. Оп. 181 / 7. Д. 3. Л.4.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Люлье П.Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря // Закавказский вестник. Тифлис, 1848. № 14. 1 апреля.
15. Там же.
16. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 38. Л. 18.
17. См: Броневский СМ. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
18. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 3. Л. 26.
19. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7 Д. 109. Л. 3 об.
20. Там же. Л. 3 об.
21. ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
22. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 127. Л. 2.
23. Там же.
24. Там же.
25. ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 4. Л. 120.
26. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп.181/7. Д. 142. Л. 3 об.
27. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161 Оп. 181/7. Д. 143. Лл. 2–6.
28. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф.161. Оп. 181/7. Д. 191. Лл. 6,7.
29. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 149. Лл. 4,5.
30. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 132. Лл. 4,4 об., 5.

31. См.: Покровский М.В. Указ. соч.
32. АВПРИ ИДД МИД РФ. Ф. 161. Оп. 181/7. Д. 246. Л. 111 об.
33. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957.
34. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881.
35. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России. Со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 52 ; Ладженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 149.

References (transliterated):

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). SPb., 1830.
2. Pisarev V.I. Metody zavoevaniya adygeyskogo naroda tsarizmom v pervoy polovine XIX v. // Istoricheskie zapiski. M., 1940.
3. PSZ. SPb., 1830.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI IDD MID RF). F. 159. Op. 464. D. 3036. L. 3.
8. Gosudarstvenniy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 261. Op. 1. D. 85. L. 1–5.
9. See: Pokrovskiy M.V. Russko-adygeyskie torgovye svyazi. Maykop, 1957.
10. AVPRI IDD MID RF. F.261. Op. 181 / 7. D. 3. L.4.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Lyul'e P.Y. O torgovle s gorskimi plemenami Kavkaza na severovostochnom beregu Chernogo morya // Zakavkazskiy vestnik. Tiflis, 1848. № 14. April 1 .
15. Ibid.
16. AVPRIIDDMIDRF. F. 161. Op. 181/7. D. 38. L. 18.
17. See: Bronevskiy SM. Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. M., 1823.
18. AVPRI IDD MID RF. F. 161. Op. 181/7. D. 3. L. 26.
19. AVPRI IDD MID RF. F. 161. Op. 181/7 D. 109. L. 3 об.
20. Ibid. L. 3 об.
21. GAKK. F. 687. Op. 1. D. 12. L. 7.
22. AVPRI IDD MID RF. F. 161. Op. 181/7. D. 127. L. 2.
23. Ibid.
24. Ibid.
25. GAKK. F. 687. Op. 1. D. 4. L. 120.
26. AVPRIIDDMIDRF. F. 161. Op.181/7. D. 142. L. 3 об.
27. AVPRI IDD MID RF. F. 161 Op. 181/7. D. 143. Ll. 2–6.
28. AVPRIIDDMIDRF. F.161. Op. 181/7. D. 191. Ll. 6,7.
29. AVPRI IDD MID RF. F. 161. Op. 181/7. D. 149. Ll. 4,5.
30. AVPRI IDD MID RF. F. 161. Op. 181/7. D. 132. Ll. 4,4 об., 5.
31. See: Pokrovskiy M.V. Op. cit.
32. AVPRI IDD MID RF. F. 161. Op. 181/7. D. 246. L. 111 об.
33. Ocherki istorii Adygei. Maykop, 1957.
34. Akty, sobrannye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey. Tiflis, 1881.
35. Vitchevskiy V. Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii. So vremen Petra Velikogo do nashikh dney. SPb., 1909. S. 52 ; Ladyzhenskii K. Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa. SPb., 1886. P. 149.